

Сюэ Пан угодил в тюрьму!

Как только эта весть достигла особняка Цзя, тетушка Сюэ, заливаясь горячими слезами и причитая, ворвалась во внутренние покои вдовствующей госпожи Цзя, умоляя о помощи.

Госпожа Цзя не желала впутываться в эти дела, но и отказать напрямик, не выяснив обстоятельств, было неудобно. Она поинтересовалась:

— Что же такого натворил Сюэ Пан?

Тетушка Сюэ, которую только что успела немного успокоить госпожа Ван, при этих словах вновь разрыдалась, словно снедаемая лютой ненавистью:

— Да разве ж мой Пан в чем-то виноват? Это те мерзавцы, что привыкли кичиться своей властью, довели его! Мой сын лишь хотел завести с ними дружбу, а они пронзили ему ладонь насквозь и бросили в темницу!

Госпожа Цзя не собиралась слепо верить словам одной стороны. Во-первых, она не была уверена, что это «заведение дружбы» действительно было таковым, а не предлогом для совершения гнусных поступков. Во-вторых, тот, кто смог упрятать Сюэ Пана в тюрьму, явно не был простым человеком, и она не могла рисковать благополучием семьи ради дальнего родственника.

Дом Цзя уже давно не тот, что был при жизни основателей рода, и теперь ей приходилось действовать с предельной осторожностью, чтобы не навлечь на себя новых неприятностей. Рассудив так, госпожа Цзя не дала тетушке Сюэ никакого определенного обещания.

Тетушка Сюэ осталась недовольна, но, будучи просительницей, ничего поделать не могла. Если бы ее брат был сейчас в столице, разве пришлось бы ей унижаться перед другими?

Госпожа Ван, стоявшая поодаль, обратилась к вдовствующей госпоже:

— Матушка, вы же знаете нрав Пана. Пусть он человек простоватый и грубый, но зла никому не желает. Его наверняка подставили.

Ван Сифэн молчала, лихорадочно размышляя. Она-то прекрасно помнила, кто именно забил человека до смерти из-за пустякового спора о девице. Тогда ее просили вмешаться, и, желая показать свою значимость, она попыталась помочь, но не была знакома с главным судьей по тому делу, так что ничего не вышло. В итоге семье Сюэ пришлось обращаться к роду Ван, чтобы замять скандал. Сейчас Сифэн предпочла прикусить язык: раз уж сама прабабушка не хочет лезть в это дело, зачем ей самой искать себе проблем?

В ресторане Хуэйин Сюаньчжэн прислуживал Линь Чэньюй за ужином, пока тот под конец не

начал протестовать, заставляя его отставить чашку.

— Ты съел сущие крохи, даже котенок ест больше, — недовольно заметил Сюаньчжэн. — Ешь давай, чтобы расти. Ты же целыми днями твердишь, что хочешь стать выше меня, а с таким аппетитом, боюсь, в этой жизни тебе этого не видать.

Линь Чэньюй упрямо возразил:

— Еще не вечер. Каждый растет в свое время. Я иду к цели уверенными шагами, и перерасту тебя для меня проще простого.

Подумав, он добавил:

— А когда я стану выше тебя, смотри только не плачь.

Сюаньчжэн лишь молча посмотрел на него.

— Ладно, буду ждать, — Сюаньчжэн взглянул на небо. — Поздно уже, пора возвращать тебя домой.

Глаза Линь Чэньюй загорелись:

— Тогда я поеду верхом, не хочу в карете.

Сюаньчжэн никогда ему ни в чем не отказывал:

— Хорошо, я буду держать тебя, обещаю, что не дам упасть.

У ворот особняка Цзя Линь Чэньюй спрыгнул с коня и помахал рукой:

— Возвращайся.

Сюаньчжэну так и хотелось его укусить:

— Ну и бессердечный же ты. Попользовался и бросил.

Линь Чэньюй нашел эти слова странными, но, поразмыслив, решил, что в них есть доля правды. Сюаньчжэн легонько щелкнул его по лбу:

— Иди внутрь, чего застыл?

— Сам ты застыл, — пробурчал Линь Чэньюй и повернулся к воротам.

Едва войдя, он услышал, как слуги дома Цзя обсуждают арест Сюэ Пана, и тихо усмехнулся — настроение стало еще лучше.

Цзя Минь, увидев, что сын вернулся в целости и сохранности, наконец успокоилась:

— Ужинал?

— Да, поел.

На следующее утро, когда Линь Чэньюй еще нежился в объятиях Морфея, Байлу тихонько позвала его:

— Госпожа велела вам явиться в покои вдовствующей госпожи, говорят, есть дело.

Линь Чэньюй, сонный и вялый, казалось, прирос к постели:

— Подождите... еще немного, дайте мне проснуться...

Сказав это, он склонил голову набок, собираясь досмотреть сон. Байлу, получившая строгий наказ от Цзя Минь, не могла позволить ему снова заснуть и после недолгой борьбы все же привела его в порядок.

Линь Чэньюй догадывался, зачем его зовут, поэтому, увидев в комнате госпожу Ван и членов семьи Сюэ, ничуть не удивился. Он поклонился и послушно сел в стороне, изображая невинного юношу.

Цзя Минь, зная его натуру, незаметно подмигнула, призывая вести себя тише. Линь Чэньюй смотрел на всех с невинным видом — он всего лишь ребенок, ничего не смыслящий в мирских делах.

Тетушка Сюэ выглядела изможденной, глаза ее покраснели и опухли. Ей было неловко говорить самой, поэтому за дело взялась госпожа Ван:

— Чэньюй, говорят, вчера в ресторане Хуэйин у тебя с братом Сюэ случилась ссора, из-за которой все и произошло. Ты здесь недавно и не знаешь его нрава, он человек широкой души, любит заводить друзей, может, сказал что не подумав и обидел тебя. Ради родственных связей, прости его на этот раз.

Тетушка Сюэ поспешно добавила:

— Как только он выйдет, я заставлю его принести тебе извинения.

На нежном, как нефрит, личике Линь Чэньюй отразилось полное недоумение:

— Я не понимаю, о чем говорят тетушка и госпожа Ван.

Тетушка Сюэ занервничала, решив, что он прикидывается дурачком, и сорвалась:

— Разве это не ты вчера проткнул ему руку? Теперь хочешь сделать вид, что ничего не было?

— Это правда, — Линь Чэньюй достал свой кинжал и повертел им перед лицом тетушки Сюэ. — Недавно я уже попадал в беду, поэтому, когда кто-то схватил меня и попытался куда-то утащить, я испугался. В панике, защищаясь, я его и поранил.

Закончив, он улыбнулся и великодушно добавил:

— Что до извинений, то не стоит. Он меня хватал, я его ранил — считайте, что мы в расчете.

Тетушку Сюэ едва не хватил удар, дыхание перехватило:

— Ты... ты...

Госпожа Ван нахмурилась:

— Но Пана до сих пор не выпустили, как же это может быть концом дела?

— Я ничего не могу с этим поделать, — Линь Чэньюй, словно опасаясь чего-то, помедлил, а затем серьезно произнес: — Мы родственники, поэтому я и скажу правду: вчера брата Сюэ арестовали за оскорбление князя, к моему случаю это не имеет никакого отношения.

Все присутствующие замерли в шоке. Оскорбление князя... Они и представить не могли, что у Сюэ Пана хватит такой дерзости. Теперь исход дела казался предрешенным.

Цзя Минь произнесла:

— Сноха, вы слышали? Сын семьи Сюэ угодил в тюрьму вовсе не из-за моего ребенка.

Тетушка Сюэ была в панике. Люди, которых она посылала на разведку, докладывали, что арест связан со ссорой с Линь Чэньюй, откуда же взялся князь?

Линь Чэньюй внутренне насмеялся. Князь Линьхуай славился своей жестокостью, и без его позволения никто не посмел бы упоминать его имя. У семьи Сюэ не было связей в столице, и никто не станет ради них рисковать. Он же был сама честность: раз другие не говорят им правды, он решил помочь. А если у них хватит духу — пусть идут и разбираются с князем сами.

Лицо Сюэ Баочай тоже помрачнело. Осознав всю серьезность положения, она осторожно спросила:

— Если ты знаком с этим князем, не мог бы ты замолвить за нас словечко?

<http://bllate.org/book/20882/2111137>